

Дикая собака динго, или показатель *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка *

Александра Дмитриевна Ногина¹, Анна Евгеньевна Постникова²

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹sashanogina@gmail.com, ²apostnikova@hse.ru

В данной статье приведен анализ показателя *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка. Его особенность состоит в его многофункциональности: он употребляется в составе форм причастий будущего времени, финитного будущего, а также императива, оптатива и прохибитива, используется для выражения деонтической модальности. Кроме того, его парадигма неоднородна: для второго лица используется форма на *-ŋA*, для первого и третьего — на *-d'ijA*. Настоящее исследование призвано рассмотреть каждое из этих употреблений, так как описанию большинства из них в существующих грамматиках уделено очень мало внимания. Также в работе приводятся рассуждения о причинах возникновения подобной многофункциональности этого показателя.

Ключевые слова: эвенский язык, тунгусо-маньчжурские языки, императив, будущее время, диахрония, ареальная типология.

Wild dog dingo or marker *-d'ijA* in the Bystraja dialect of Even language

Alexandra Nogina¹, Anna Postnikova²

^{1,2}National Research University Higher School of Economics

¹sashanogina@gmail.com, ²apostnikova@hse.ru

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году. Авторы выражают благодарность А. И. Виняру за помощь и поддержку на всех этапах исследования, а также участникам и организаторам третьей научной конференции МЯБЛ и коллегам по экспедиции по документации эвенского языка за ценные замечания.

This paper provides an overview of marker *-d'ɨŋA* in the Bystraja dialect of Even language. Its peculiarity lies in its multifunctionality. It is used to mark future participles, finite future forms, imperative, optative and prohibitive. It can also express deontic modality. Moreover, its paradigm is heterogeneous, and *-d'ɨŋA* is used with first and third person only, while for second person suffix *-ŋA* is required. The purpose of the present study is to describe each of the aforementioned uses since very little attention has been given to them in existing grammatical descriptions of Even language. We will also provide some thoughts on possible reasons for such multifunctionality to exist.

Keywords: Even, Tungus-Manchu, imperative, future tense, diachrony, areal typology.

1. Введение

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье; он распространен на территории Сибири и Дальнего Востока России. В настоящей работе рассматривается быстринский диалект, на котором говорят в Быстринском районе Камчатского края.

Существует несколько фундаментальных работ, посвященных описанию эвенского языка, а также исследования, рассматривающие отдельные диалекты и их особенности, однако быстринский диалект в этом плане оказался наименее освещенным. В настоящем исследовании мы опираемся на материалы других диалектов, а также на полевые данные, собранные нами в ходе трех экспедиций в села Эссо и Анавгай Камчатского края в 2019–2021 годах.

В существующих описаниях грамматики эвенского языка форма на *-d'ɨŋA*, о которой пойдет речь в статье, упоминается при различных обстоятельствах. Некоторые исследователи анализируют ее исключительно как форму причастия будущего времени [Цинциус 1947; Новикова 1980; Лебедев 1982; Malchukov 1995], другие описывают данный маркер и как показатель причастия, и как показатель финитного¹ будущего [Богораз 1931; Левин 1936; Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2008]. При этом будущее время на *-d'ɨŋA* называется вторым и противопоставляется первому будущему на *-d'i*; второе будущее характеризуется как более отдаленное или более неопределенное по сравнению с первым.

¹ Т.е. встречающегося в изолированных контекстах в качестве вершины клаузы.

В монографии А. Л. Мальчукова о синтаксисе эвенского языка не говорится об использовании форм на *-d'ijA* в качестве финитного будущего, однако отмечается следующее: формы на *-d'ijA* входят в парадигму некатегорического императива, где используются для первого и третьего лиц, тогда как для второго лица употребляются формы на *-ŋA* [Мальчуков 2008: 114]. Аналогичная неоднородная парадигма императива предлагается и в более поздней работе [Шарина, Кузьмина 2018]. [Новикова 1980: 79] также описывает императивные употребления *-d'ijA* в ольском говоре эвенского языка, однако показатель *-ŋA* в ее работе не упоминается. При этом показатель *-ŋA* как способ выражения императивного значения также встречается в работах [Цинциус 1947; Лебедев 1982: 94; Бурькин 2002], однако авторы не объединяют этот показатель с суффиксом *-d'ijA*.

Настоящая работа посвящена описанию суффиксов *-d'ijA* и *-ŋA* в быстринском диалекте эвенского языка. В разделах 2 и 3 рассматривается многообразие употребления суффиксов *-ŋA* и *-d'ijA* соответственно. В разделе 4 мы пытаемся объяснить неоднородность парадигмы и особенности употребления исследуемых показателей на основании сравнительного анализа когнатов в языках тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской семьи и некоторых предположениях о диахронии суффиксов *-ŋA* и *-d'ijA*.

2. Употребление *-ŋA*

Как было отмечено в предыдущих исследованиях [Левин 1936, Мальчуков 2008], формы на *-ŋA* имеют императивную семантику. Они согласуются по лицу и числу с субъектом (парадигма лично-числовых согласовательных маркеров приведена в таблице 1).

Таблица 1. Лично-числовое согласование форм на *-ŋA*

2SG	<i>-nni</i>
2PL	<i>-šAn</i>

Изучаемый показатель встречается и в фактитивных (непосредственная каузация к выполнению действия (1)), и в пермиссивных (разрешение на выполнение действия (2)) контекстах. Встречаются и прохибитивные употребления (3): для выражения запрета действия используется отрицательная копула *edej* с показателем *-ŋA*; лексический глагол, как и в случае стандартного отрицания, принимает форму отрицательного конверба.

(1) *uind'a d'u-du bi-d-ŋe-nni e-niken*
 Уиндя дом-DAT быть-PROG-IMP.DIST-2SG NEG.AUX-SIM

awu-ŝki = da ør-rə.
 куда-DIR.ADV = ADD уходить-NEG.CVB

‘Уиндя, оставайся дома, не ходи никуда.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013]

(2) *аҥа-аҥа-nni okno-w аҥа-m-mi².*
 открывать-IMP.DIST-2SG окно-ACC открывать-DESID-COND.SS
 ‘Открой окно, если хочешь (открыть).’³

(3) *min-u tər er-de-le-n*
 я-ACC земля низ-SIDE-LOC-POSS.3SG

e-ŋe-nni ima-r.
 NEG.AUX-IMP.DIST-2SG хоронить-NEG.CVB

‘Не хорони меня под землей.’ [Pakendorf, Aralova 2009–2013]

Императив на *-ŋA* — не единственный способ выразить побуждение к действию. А. Л. Мальчуков говорит о наличии трех императивных парадигм: основного императива на *-li*, некатегорического императива на *-(dʲi)ŋA* и императивно-оптативной парадигмы с показателем *-dA* [Мальчуков 2008: 114]. В настоящей статье сравниваются только первые две парадигмы ввиду особой семантики на *-dA* (о разнице между оптативными и императивными употреблениями смотрите, например, [Гусев 2013: 245]).

В грамматиках описанные формы противопоставляются по-разному. Основным различием А. Л. Мальчуков называет временную соотнесенность [Мальчуков 2008: 122]. Формы на *-li* выступают в качестве императива немедленного действия, то есть могут употребляться только в тех контекстах, когда между речевым актом и действием, которое необходимо выполнить, отсутствует временной промежуток (4). Императив на *-ŋA* не имеет временных ограничений: он употребляется и как императив немедленного действия, и как дистантный императив (5). Как видно из примеров, эти утверждения в полной мере справедливы и для быстринского диалекта.

² Для записи данных эвенского языка используется упрощенная графика, принятая в ходе полевой работы. Графическая запись не является фонетической транскрипцией в строгом смысле, однако отражает часть фонетических особенностей быстринского говора.

³ Все примеры без ссылок, приведенные в статье, получены в ходе экспедиций путем элицитации с русского или эвенского стимула.

(4) *tik* / **timina* / **dula-ški* *bə-li*.
сейчас завтра передний-DIR.ADV отдавать-IMP
‘Сейчас отдай.’
*‘Завтра/Потом отдай.’

(5) *tik* / *timina* / *dula-ški* *min-teki*
сейчас завтра передний-DIR.ADV я-DIR

em-ŋe-nni.

приходить-IMP.DIST-2SG

‘Приходи ко мне сейчас/завтра/потом.’

Помимо временной соотнесенности выделяются и другие различия. В работах [Мальчуков 2008], [Шарина, Кузьмина 2018] *-li* называется категорическим императивом в противовес некатегорическому императиву на *-(d'i)ŋA*. [Бурыкин 2002] и [Шарина, Кузьмина 2018] также отмечают повышенную степень вежливости у последнего. Однако данные, собранные в экспедициях, показали, что в быстринском диалекте противопоставление по вежливости либо утрачено, либо отсутствовало изначально. Исследуемую форму действительно можно назвать менее категорической, однако это свойство прямым образом следует из его темпоральных характеристик. [Гусев 2013: 56] отмечает, что формы императива будущего времени часто являются менее категоричными (т.к. выполнение действия отсрочено) и, следовательно, могут восприниматься как более вежливые. Так как императив на *-li* является императивом немедленного действия, единственным способом непосредственно каузировать выполнение действия в будущем выступает императив на *-ŋA*. Отсутствие строгих временных ограничений на выполнение действия делает данную форму менее категоричной и (в других диалектах) более вежливой.

3. Употребление *-d'ija*

Форма на *-d'ija* описывается многими исследователями как причастие будущего времени. Но в действительности причастное употребление в современном быстринском эвенском практически не сохранилось. Подобные конструкции очень сложно получить путём элицитации с русского стимула, и даже с эвенского стимула большинство носителей не узнаёт данную форму и запрещает предложения с ней. Сами предложения при этом перестраиваются в две финитные клаузы (6).

(6) *bi kœ-re-m bej-u noŋ-ma-n*
 я смотреть-NFUT-1SG человек-ACC он-ACC-POSS.3SG

em-u-d'i-n.

приходить-AD-FUT-3SG

‘Я вижу человека, он их привезет.’

Стимул: ‘Я вижу человека, который их привезёт.’

Когда причастные употребления все же встречаются (7)–(8), в них используется не собственно показатель *-d'iŋA*, а его алломорф *-dŋA*. Подобный алломорфизм отмечался ранее в грамматических описаниях эвенского [Цинциус 1947; Лебедев 1978; Лебедев 1982], однако предполагалось использование в роли причастий как форм на *-d'iŋA*, так и форм на *-dŋA*. При этом условия употребления той или иной формы в литературе не описаны.

На данный момент неясно, является ли засвидетельствование в причастном употреблении исключительно форм на *-dŋA* случайностью, обусловленной малым количеством данных, или же в быстринском диалекте произошло обособление причастных форм от финитных с изменением фонетического звучания.

(7) *ulit-li ora-m timina neŋ-č'i-dŋa-wu.*
 кормить-IMP олень-ACC завтра бежать-RES-PTC.FUT-ACC

‘Покорми оленя, который завтра побежит.’

(8) *noŋə-n it-ti-n kuŋa-w amnakə-t*
 он-POSS.3SG видеть-PST-3SG ребенок-ACC быстрый-INST

baku-dŋa-w.

родить-PTC.FUT-ACC

‘Он увидел ребенка, который скоро родится.’

Другое употребление форм на *-d'iŋA*, упоминающееся в существующих описаниях эвенского — это употребление в качестве финитного будущего времени. Согласование с субъектом по лицу и числу обязательно (таблица 2). При этом после показателя *-d'iŋA* перед согласовательными маркерами сохраняется десемантизированный омертвелый аккузатив *-w* [Мальчуков 2008: 121]. При глоссировании мы относим его к согласовательным показателям, отделяя точкой, однако это решение носит исключительно технический характер.

Таблица 2. Лично-числовое согласование форм на *-d'ija*

1SG	<i>-wu</i> ⁴
1PL.EXC	<i>-wu.r</i>
1PL.INC ⁵	<i>-wu.n</i>
3SG	<i>-wA.n</i>
3PL	<i>-wu.tAn</i>

В соответствии с грамматиками, будущее на *-d'ija* должно противопоставляться по дистантности с первым будущим временем на *-d'i* и маркировать отдаленные события. Первое будущее же должно употребляться только с событиями, находящимися в непосредственной близости. Тем не менее, в быстринском диалекте подобное противопоставление не наблюдается, так как оба времени могут использоваться с событиями как отдаленными (9)–(10), так и ближайшими (11)–(12).

(9) *noja-n be-d'ije-we.n knizhka-w d'ula-ški.*
он-POSS.3SG давать-PTC.FUT⁶-3SG книжка-ACC передний-DIR.ADV
'Он отдаст мне книжку в следующем году.'

(10) *d'ula-ški em-d'i-nni.*
передний-DIR.ADV приходить-FUT-2SG
'Придешь в следующем году.'

(11) *bi tik er-d'ije-wu gorod-duk.*
я сейчас уходить-PTC.FUT-1SG город-ABL
'Я сейчас уеду из города.'

(12) *tik em-d'i-r oro-l.*
сейчас приходить-FUT-3PL олень-PL
'Сейчас придут олени.'

Как и причастие будущего времени, финитное будущее на *-d'ija* встречается крайне редко. Наиболее же частым примером использования форм на *-d'ija* является оптативное употребление, выра-

⁴ Показатель сливается с омертвелым аккузативом *-w*. Таким образом, формы первого лица выглядят как *bu-d'ija-wu* (отдать-FUT.PTC-1SG) 'я отдам'.

⁵ В быстринском диалекте утрачивается противопоставление по инклюзивности. Поэтому в последующих примерах часто лично-числовые показатели на глаголе не совпадают с субъектом по этому параметру.

⁶ См. объяснение подобного глоссирования в финитных формах в конце раздела.

жающее желание говорящего (13). В данном случае форма на *-d'ija* сближается по семантике с формой на *-da*, образующей отдельную оптативно-императивную парадигму [Мальчуков 2008: 117] (в таких контекстах они полностью взаимозаменяемы, (14)).

- (13) *mut oro-m epkə-d'ija-wu.r.*
 мы.ЕХС олень-АСС ловить-ПТС.ФУТ-1ПЛ.ЕХС
 'Давай мы поймаем оленя.'

- (14) *noʒan ər-d'ija-wə.n / ər-da-n.*
 он уходить-ПТС.ФУТ-3СГ уходить-PURP-3СГ
 'Пусть он пойдет.'

Помимо оптатива, формы на *-d'ija* используются для выражения значений из области деонтической модальности. В данном случае употребляется сложная конструкция, состоящая из лексического глагола с показателем *-d'ija* и копулы *bidej* (15).

- (15) *noʒa-n timina ər-d'ije-we.n bi-d'i-n.*
 он-ПОСС.3СГ завтра уходить-ПТС.ФУТ-3СГ быть-ФУТ-3СГ
 'Он завтра должен уехать.'

Если в примере (15) копула маркирована показателем будущего времени, соответствуя времени события, о котором идет речь, то в предложении (16) она принимает форму прошедшего времени. Более того, лично-числовой показатель на копуле не соответствует лицу субъекта действия. Значение у подобной конструкции — необходимость совершения действия в прошлом. Схожая конструкция обнаруживается в удэгейском языке (17), где выделяется отдельное наклонение долженствования (*necessitative mood*), также выражаемое аналитически: лексическим глаголом с показателем *-d'ija* и копулой *bidej*, причем копула всегда маркирована лично-числовым показателем третьего лица [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 224]. Отличием этой конструкции от эвенской является отсутствие в удэгейском согласования на форме с *-d'ija*.

- (16) *mut oro-m epkə-d'ija-wu.r bi-ši-n.*
 мы.ЕХС олень-АСС ловить-ПТС.ФУТ-1ПЛ.ЕХС быть-PST-3СГ
 'Мы должны были поймать оленя.'

- (17) удэгейский
si gele-u-d'eje bi-si-ni.
 ты звать-PAS-ПТС.ФУТ быть-PST-3СГ
 'Ты должен был (по)звать.' [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 224]

Кроме того, в эвенском, как и в других тунгусских языках, для выражения семантики долженствования используется специальное причастие на *-nna*. Как и в случае с оптативом, две формы оказываются взаимозаменяемы (ср. (16) и (18)). В отличие от показателя *-d'ijA*, *-nna* является широко употребимым, узнается и используется всеми носителями и в контекстах с долженствованием порождается в первую очередь.

- (18) *bi epkə-nna-un bi-ši-n oro-m.*
 мы.INC ловить-PTC.DEV-POSS.1PL.EXC быть-PST-3SG олень-ACC
 ‘Мы должны были поймать оленя.’

Наконец, аналогично формам на *-ŋA*, *-d'ijA* может использоваться для образования прохибитивной конструкции, состоящей из отрицательной копулы *edej* с показателем *-d'ijA* и лексического глагола в форме отрицательного конверба:

- (19) *noŋa-r-tan e-d'ije-wu.tən uni-r ora-m.*
 он-PL-POSS.3PL NEG.AUX-PTC.FUT-3PL покупать-NEG.CVB олень-ACC
 ‘Пусть они не будут покупать оленя.’

- (20) *bi e-d'ije-wi ør-rə.*
 я NEG.AUX-PTC.FUT-1SG уходить-NEG.CVB
 ‘Пусть я не уйду.’

Таким образом, для форм на *-d'ijA* оказывается не слишком характерным простое темпоральное употребление без модальной окраски. И причастие будущего времени, и финитное будущее, описанные в грамматиках, используются довольно редко, тогда как основные примеры употреблений показателя *-d'ijA* связаны с модальными формами — оптативом, прохибитивом и деонтической модальностью.

Вне зависимости от количества употреблений и соответствия грамматическим описаниям, этот показатель остается крайне многофункциональным. Мы не можем делать точных утверждений по поводу возникновения подобной многофункциональности, однако предполагаем, что она связана с таким процессом, как инсубординация (*insubordination*) — синтаксической реинтерпретацией бывшей зависимой клаузы в качестве финитной⁷.

⁷ В определении Н. Эванса, “the conventionalized main-clause use of what, on prima facie grounds, appear to be formally subordinate clauses” [Evans 2007: 367].

Явление инсубординации засвидетельствовано во всех языках тунгусо-маньчжурской семьи [Malchukov 2013: 189]. Известно, например, что в эвенском языке финитное прошедшее время произошло в результате инсубординации из причастия небудущего времени на *-ri* [Malchukov 2013: 186], тогда как в эвенкийском — из причастия прошедшего времени на *-ča* [Nedjalkov 1997: 238]. Мы предполагаем, что аналогичным образом финитные употребления форм на *-d'ijA* образовались из причастных⁸. Кроме того, по-видимому, причастие будущего времени на *-d'ijA* изначально обладало некоторой модальной окраской, а не только темпоральным значением, из-за чего возникли модальные употребления финитных форм.

4. Показатель *-(d'i)ŋA* в других тунгусо-маньчжурских

Предположительно когнатные формы встречаются практически во всех языках тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской семьи. В близкородственных эвенскому северных тунгусских языках⁹, а именно в эвенкийском и негидальском, имеется показатель *-daŋA* (смотрите [Nedjalkov 1997: 243, 269] и [Цинциус 1982: 34, 37] соответственно). Формы с данным показателем употребляются и в качестве финитного дистантного будущего, и в качестве причастия будущего времени. Показатель *-daŋA* с аналогичными функциями наблюдается и в языках центрально-восточной ветви: удэгейском [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 216, 227] и орокском [Аврорин, Болдырев 2001: 310, 313].

Формы *-daŋA* и *-d'ijA* отсутствуют в языках центрально-восточной ветви, включающей нанайский, орокский и ульчский. Тем не менее, во всех этих языках обнаружены парадигмы, включающие в себя показатель *-ŋA*. В нанайском представлено желательное наклонение, выражаемое суффиксом *-ŋA* [Аврорин 1961: 119]. Императив первого лица множественного числа в орокском обра-

⁸ Отсюда глоссирование показателя *-d'ijA* как PTC.FUT (причастие будущего времени) даже в финитных клаузах.

⁹ Мы опираемся на классификацию тунгусо-маньчжурских языков, предложенную в работе [Whaley, Oskolskaya 2020]. Тем не менее, из-за сближения исследуемых когнатных показателей в северных и центрально-восточных ветвях представляется целесообразным рассмотреть более ранние классификации, например, [Суник, Орест 1959]. Мы оставляем этот вопрос для дальнейших исследований.

зуется путем присоединения суффикса *-ηA* и лично-числового показателя [Петрова 1967: 110–111]. Наконец, в ульчском отмечено будущее время на *-ηA* с оттенком побуждения совершить действие [Суник 1985: 45], однако, как отмечает Н. М. Стойнова, оно практически вышло из употребления [Стойнова 2019: 3]. Все эти показатели в той или иной мере обладают императивной или оптативной семантикой.

Наличие форм, когнатных эвенскому показателю *-d'ijA* в северных и центрально-восточных тунгусских, а также форм, когнатных эвенскому показателю *-ηA* в центрально-западных, ставит под сомнение нашу предыдущую идею о том, что формы второго лица на *-ηA* произошли в результате грамматикализации показателя будущего времени *-d'ijA* в императив и сопутствующей эрозии. Вероятнее всего, две формы, когнатные *-ηA* и *-d'ijA* соответственно, сосуществовали еще в пратунгусском и в дальнейшем были заимствованы неравномерно. Языки центрально-западной подгруппы сохранили только показатель *-ηA*; показатели, когнатные современному эвенскому *-d'ijA* получили распространение в центрально-восточных и северных подгруппах. Из рассматриваемых нами языков только эвенский сохранил обе формы. Вопрос о том, были ли связаны между собой показатели *-ηA* и *-d'ijA* и, если да, то каким образом, мы оставляем на будущее.

Объяснение лакунам в обеих парадигмах мы также предлагаем искать в диахронии. По всей видимости, *-ηA* сохранился только во втором лице, так как это наиболее типичные для императивных форм контексты. В работе [Гусев 2013: 224, 242] утверждается, что для императивных парадигм в целом свойственна неоднородность; при этом неоднородность парадигм подчиняется определенным правилам. На основании [van der Auwera et al. 2003] постулируется императивная иерархия (21). Как правило, средства выражения императивных значений занимают непрерывный отрезок значений на этой иерархии.

(21) 2Sg < 2Pl < 1Pl < 3-е лицо < 1Sg

Показатель *-ηA* охватывает первые два значения на иерархии (21). Согласно работе [Гусев 2013: 242], такая неоднородная парадигма характерна более чем для трети всех императивных парадигм, что делает ее наиболее частотной в языках мира. Факт утраты форм 1 и 3 лица на *-ηA* в быстринском диалекте в результате

грамматикализации подтверждается наличием полной парадигмы с показателем *-ηA* в некоторых западных говорах эвенского [Мальчуков 2008: 122]. Значение показателя *-ηA* в этих говорах смещается с исключительно императивного в сторону модализованного будущего, что объясняет, почему в этих говорах сохранились полные парадигмы.

На данный момент невозможно однозначно сказать, почему в эвенском отсутствуют формы второго лица на *-d'ijA*. Предположительно, формы на *-ηA* вытеснили *-d'ijA* во втором лице. Формы на *-d'ijA* употребляются преимущественно в модализованных контекстах — либо в оптативных, либо в деонтических (см. раздел 3). В обоих контекстах во втором лице наблюдается сильная импликация каузации адресата к выполнению действия, что сближает формы на *-ηA* и на *-d'ijA* во втором лице, делая их практически синонимичными. При таком раскладе сохранение только одной из двух форм представляется закономерным. В работах [Добрушина 2001] и [Гусев 2005: 250] говорится о том, что парадигмы, в которых место второго лица занимает императив, а третьего — оптатив, наблюдаются во многих языках мира. Основным отличием оптатива от императива исследователи называют отсутствие контроля над ситуацией; при этом, если повеление направлено на адресата, степень контроля повышается. Тем не менее, для подтверждения этой теории требуется измерить частотность словоформ на материале текстов различного времени создания, что не представляется возможным ввиду отсутствия таких текстов.

5. Заключение

В статье рассмотрены особенности употребления показателей *-ηA* и *-d'ijA* в быстринском диалекте эвенского языка, а также представлено возможное объяснение лакунам в парадигмах этих форм. Сфера употребления этих форм гораздо сложнее, чем описанная в предыдущих исследованиях, однако в современном быстринском эвенском формы на *-d'ijA* практически полностью вышли из употребления. Ряд вопросов о происхождении суффиксов *-ηA* и *-d'ijA* в эвенском и когнатных показателях в других тунгусо-маньчжурских так и остался неосвещенным, однако их изучению препятствует низкая употребляемость форм на *-d'ijA* и отсутствие диахронических языковых данных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AD — адверсатив-пассив; ADD — аддитив; ADV — адвербаллизатор; COND — условный конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DESID — дезидератив; DIR — директив; EXC — исключительное (1 лицо мн. числа); FUT — будущее время; IMP — императив; IMP.DIST — дистантный императив; INC — включительное (1 лицо мн. числа); INST — инструменталис; LOC — локатив; NEG.CVB — отрицательный конверб; NEG.AUX — отрицательная копула; NFUT — небудущее время; PAS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; PTC — причастие; PURP — целевой конверб; RES — результатив; SG — единственное число; SIM — конверб одновременного действия; SIDE — именная деривация со значением 'сторона'; SS — односубъектные ситуации.

Литература

- Аврорин 1961 — Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Болдырев 2001 — Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика орочского языка. Новосибирск: СО РАН, 2001.
- Богораз 1931 — Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1931.
- Бурькин 2002 — Бурькин А.А. Эвенский язык в таблицах. Учебное пособие для эвенских школ, педагогических колледжей, вузов. СПб.: Дрофа, 2002.
- Гусев 2005 — Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2005.
- Гусев 2013 — Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Добрушина 2001 — Добрушина Н.Р. Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте. Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. I: Теоретические проблемы. Аксаково, 2001. С. 77–83.
- Дуткин 1995 — Дуткин Х.И. Аллайховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995.
- Кузьмина 2008 — Кузьмина Р.П. Ламунхинский говор эвенского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
- Лебедев 1978 — Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
- Лебедев 1982 — Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982.
- Левин 1936 — Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936.
- Мальчуков 2008 — Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.

- Новикова 1980 — Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Петрова 1967 — Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Стойнова 2019 — Стойнова Н.М. Не верь глазам своим! Система императива в улчском языке: полевые данные vs. данные описаний (раздаточный материал). СПб: ИЛИ РАН, 2019.
- Суник, Орест 1959 — Суник О.П., Орест П. Тунгусо-маньчжурские языки. Младо-письменные языки народов СССР. Бокарев Е.А., Дешериев Ю.Д. (ред.). М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1959.
- Суник 1985 — Суник О.П. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Цинциус 1947 — Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947.
- Цинциус 1982 — Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шарина, Кузьмина 2018 — Шарина С.И., Кузьмина Р.П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2018.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Irina Nikolaeva (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 366–431.
- Malchukov 1995 — Malchukov A. Even. München: Lincom Europa, 1995.
- Malchukov 2013 — Malchukov A. Verbalization and insubordination in Siberian languages. Shared grammaticalization with special focus on the transeurasian languages. Robbeets M., Cuyckens H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 177–208.
- Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. Evenki. London / New York: Routledge, 1997.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. A grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Pakendorf, Aralova 2009–2013 — Pakendorf B., Aralova N. DOBES archive. Even. Bystraja district. Conversations. 2009–2013.
- van der Auwera et al. 2003 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A Semantic Map for Imperative-Hortatives. Contrastive Analysis in Language. Willems D., Defrancq B., Colleman T., Noël D. (eds.). Palgrave Macmillan, London, 2003.
- Whaley, Oskolskaya 2020 — Whaley L.J., Oskolskaya S. The classification of the Tungusic languages. The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. First edition. Robbeets M., Saveljev A (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 306–320.